

Фридрих Фромгольд Мартенс

**Собрание Трактатов и
Конвенций, заключенных
Россией с иностранными
державами**

Том VIII. Трактаты с Германией

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Ф88

Фридрих Фромгольд Мартенс

Ф88 Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: Том VIII. Трактаты с Германией / Фридрих Фромгольд Мартенс – М.: Книга по Требованию, 2012. – 774 с.

ISBN 978-5-458-04971-9

«Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами» — публикация документов дипломатической истории России XVII-XX вв., изданная в 15 томах в 1874-1909 Ф. Ф. Мартенсом. «Собрание» включает документы о взаимоотношениях России с Австрией (и Австро-Венгрией) — т. 1-4; с Пруссией (Германией) — т. 5-8; с Англией — т. 9-12; с Францией — т. 13-15. Все документы воспроизведены на языке подлинника и даны в русском переводе. Каждому тому предпослано введение, многие тексты договоров снабжены комментариями. Собрание Мартенса являлось наиболее полной публикацией такого рода, многие соглашения и секретные статьи к ним были воспроизведены впервые.

ISBN 978-5-458-04971-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Печатается съ Высочайшаго повеленія.

ИМПЕРАТОРСКОГО ПУБЛИЧНАГО
ИСТОРИЧЕСКАГО
БИБЛИОТЕКА

523720

ПРЕФАСЕ.

Ce tome VIII (qui est au fond le IX) termine la publication de tous les actes internationaux, conclus entre la Russie et les Etats germaniques depuis la moitié du XVII siècle jusqu'à l'année actuelle.

Nous croyons pouvoir affirmer sans crainte de nous tromper que les introductions historiques, qui précèdent les actes publiés dans ce tome et vont jusqu'au congrès de Paris de 1856, présentent un intérêt tout particulier. Ces introductions sont très longues et pourtant il a été impossible de profiter de tous les riches matériaux, déposés aux archives du Ministère des Affaires Etrangères. D'une part, le temps n'est pas encore venu de publier, sans restrictions, tous les documents de nos archives et de l'autre, le caractère tout à fait intime de la plupart de ces actes rend leur publication impossible.

Il est inutile enfin de démontrer que toutes ces esquisses historiques ne contiennent que des faits positifs, empruntés aux archives et qu'elles sont étrangères à toute tendance et à toute idée préconçue. En examinant plusieurs milliers d'actes tirés de nos archives, en faisant des extraits de la plupart de

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящимъ VIII-мъ (числомъ IX-мъ) томомъ оканчивается печатаніе всѣхъ международныхъ актовъ, заключенныхъ между Россіей и германскими государствами, начиная съ половины XVII вѣка до нынѣшняго года.

Едва ли мы ошибаемся, полагая, что совершенно исключительный интересъ представляютъ историческія введенія, предшествующія актамъ, отпечатаннымъ въ настоящемъ томѣ и доведенныя до Парижскаго конгресса 1856 года. Хотя эти введенія весьма обширны, но все таки не весь богатѣйшій матеріалъ, хранящійся въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, могъ быть разработанъ. Съ одной стороны, еще не наступило время для обнародованія всѣхъ, безъ исключенія, документальныхъ данныхъ изъ нашихъ архивовъ и, съ другой, совершенно интимный характеръ многихъ архивныхъ актовъ устраняетъ возможность ихъ оглашенія.

Наконецъ, едва ли представляется надобность доказывать, что всѣ эти историческія очерки содержатъ въ себѣ только положительные факты, заимствованные изъ архивовъ, и чужды всякой предвзятой цѣли или тенденціи. Перечитывая нѣсколько тысячъ архивныхъ актовъ, дѣлая изъ многихъ вы-

ces actes, ou en les recopiant et en groupant tous les faits, obtenus de cette manière, dans les esquisses historiques qui précèdent les 376 actes, reproduits dans ces neuf tomes parus, nous n'avons eu qu'un *seul but* — celui de jeter de la lumière sur les relations internationales de la Russie avec les Puissances étrangères, en nous basant sur des actes authentiques, tirés des archives, et sans exprimer aucune opinion ou sentiment personnels. Voilà pourquoi ces esquisses ne contiennent aucune conclusion, ni considération personnelles.

Les faits, que nous avons recueillis dans ces conditions et qui sont reproduits dans le tome actuel ont trait aux relations réciproques de la Russie et de la Prusse. Ils ont une grande éloquence et démontrent d'une manière irréfutable que les rapports les plus amicaux existaient entre les deux Puissances et que les Empereurs de Russie et les Rois de Prusse étaient unis par les liens d'une amitié des plus intimes et d'un attachement tout personnel. Les extraits de la correspondance, échangée entre les augustes chefs de la politique extérieure des deux pays, ainsi que des actes diplomatiques dont il est fait mention dans les esquisses historiques s'arrêtent au règne de l'Empereur Nicolas I.

Les faits cités suffisent parfaitement pour mettre en relief d'une manière évidente les relations réciproques de la Russie et de la Prusse depuis 1825 jusqu'à 1856. Ils démontrent, par exemple, sans qu'il soit possible d'en douter, que l'Empereur Nicolas I était seul à diriger la politique de la Russie et qu'il ne se soumettait à aucune influence étrangère. En prenant en

писки или переписывая их и группируя всё добытые такимъ трудомъ факты въ историческихъ очеркахъ къ 376 актамъ, отпечатаннымъ въ вышедѣланныхъ девяти томахъ, мы задавались *единственною* цѣлью освѣщать международныя отношенія Россіи къ иностраннымъ державамъ на основаніи несомнѣнныхъ архивныхъ источниковъ, но не личныхъ взглядовъ и чувствъ. Поэтому никакихъ выводовъ или личныхъ соображеній эти очерки въ себѣ не заключаютъ.

Тѣмъ не менѣ собранные въ настоящемъ томѣ факты касательно взаимныхъ отношеній Россіи и Пруссіи весьма краснорѣчивы: они неопровержимымъ образомъ доказываютъ самыя дружескія отношенія между обоими государствами и самую близкую дружбу и личную привязанность между Русскими Императорами и прусскими королями. Царствованіемъ Императора Николая I ограничиваются выписки изъ личной переписки августѣйшихъ руководителей внѣшней политики обоихъ государствъ и изъ дипломатическихъ актовъ, приведенныхъ въ историческихъ очеркахъ.

Приведенные факты достаточно рельефно обрисовываютъ взаимныя отношенія Россіи и Пруссіи съ 1825 по 1856 годъ. Такъ, они безспорно доказываютъ, что Императоръ Николай I былъ единственнымъ руководителемъ русской политики, не подававшимся никакимъ постороннимъ влияніямъ. Если имѣть въ виду собственноручно написанныя имъ по-

consideration les mémoires détaillés qu'il a écrits de sa propre main sur différentes questions politiques courantes (p. 166, 177 etc.), en lisant les lettres autographes de l'Empereur et les annotations de ce souverain sur tous les actes diplomatiques les plus importants, il est impossible de ne pas se sentir pénétré d'un sentiment de profonde admiration pour l'esprit, les capacités et l'assiduité au travail de l'Empereur Nicolas I. Dès le commencement de son règne, l'Empereur laissa entendre qu'il avait une foi inébranlable dans l'utilité de l'amitié et de l'alliance de la Prusse, en sa qualité de Puissance européenne, conservatrice de par sa nature.

En premier lieu, il fit preuve de ce sentiment à l'égard du Roi Frédéric-Guillaume III, son auguste beau-père. „Le Roi“, écrivait l'Empereur sur un memorandum prussien de 1833, — „connait mes sentiments pour lui; ils font depuis 20 ans ma vie et mon bonheur; c'est *mon père* et je suis *son fils*; voilà dans un seul mot, tout ce que je puis lui exprimer de plus fort et de plus sincère“. Mais afin que l'on ne pût pas croire que ses liens de parenté fussent de nature à exercer la moindre influence sur l'accomplissement de son devoir vis-à-vis de son pays, l'Empereur Nicolas I, fit savoir à Berlin, immédiatement après son avènement au trône, que „le système de Sa Majesté Impériale n'aura d'autre but que le bien-être de ses Etats, d'autre règle que les intérêts bien-entendus des peuples que la Providence lui a confiés“.

добрѣйшія записки по различнымъ текущимъ политическимъ вопросамъ (стр. 166, 177 и др.), если прочесть всѣ собственноручныя письма и замѣтки, сдѣланныя Государемъ на всѣхъ важнѣйшихъ дипломатическихъ актахъ, то нельзя не проникнуться чувствомъ глубочайшаго удивленія къ уму, способностямъ и рабочей силѣ Императора Николая I. Съ самаго же начала своего царствованія Императоръ высказалъ непоколебимую свою вѣру въ пользу дружбы и союза съ Пруссіей, какъ консервативною, по природѣ, европейскою державою.

Эти чувства онъ обнаружилъ, прежде всего, въ отношеніи короля Фридриха Вильгельма III, своего августѣйшаго тестя. „Король знаетъ“, написалъ Государь на одномъ прусскомъ меморандумѣ 1833 года, „мои къ нему чувства; они составляютъ въ продолженіи двадцати лѣтъ мою жизнь и мое счастье; онъ *мой отецъ* и я *его сынъ*. Вотъ въ одномъ словѣ все, что я могу сказать ему наиболѣе сильнаго и наиболѣе искренняго“. Но желая предупредить малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что родственныя узы могли бы, въ какомъ либо отношеніи, повліять на исполненіе Государемъ своего долга въ отношеніи своего народа, Императоръ Николай I немедленно послѣ воцаренія объявилъ въ Берлинѣ, что „система Его Императорскаго Величества не будетъ имѣть другой цѣли, какъ благоденствіе своего государства, другого руководящаго начала, какъ несомнѣнные интересы народовъ, вѣрнѣйшихъ ему Провидѣніемъ“.

C'est précisément la conscience du bien-être de son peuple, qui entretenait l'Empereur Nicolas I dans la conviction de la nécessité d'une alliance politique avec la Prusse. L'Empereur exprimait lui-même cette conviction en 1850, à l'occasion de son jubilé de 25 année de règne, dans une lettre autographe, qu'il adressait à cette époque au Roi Frédéric-Guillaume IV.

„Fidèle aux principes de feu mon frère l'Empereur Alexandre et de son fidèle ami le Roi, votre père“,—écrivait Nicolas I,—„j'ai tâché de suivre exactement leurs préceptes, toujours vivants à ma mémoire. C'est donc à eux que doit revenir le tribut de la reconnaissance de ceux qui apprécient les bienfaits qui en sont résultats pour ma patrie, car je n'ai fait que—*continuer*. Combien suis-je heureux que cette époque-ci de ma vie va se confondre avec une nouvelle ère dans nos relations, qui semble voir revivre les traditions du passé, si cher à mon cœur“.

Ce n'est qu'à deux reprises seulement que pendant la longue durée du règne de l'Empereur Nicolas I, les relations d'amitié de la Russie et de la Prusse coururent un danger sérieux: en 1849—1850, grâce à la protection, accordée par la Russie à l'Autriche et au Danemark, et en 1854,— par suite de certaines hésitations de la Prusse pendant la guerre de Crimée. Dans la première de ces occasions, l'Empereur Nicolas I ne pouvait pas se défaire de l'idée que l'Autriche, en défendant l'ancien ordre des choses en Allemagne, s'était placée sur le terrain de la lé-

Именно сознание пользы своего народа поддерживало въ Императорѣ Николаѣ I убѣжденіе въ необходимости политическаго союза съ Пруссіей. Самъ Императоръ высказалъ эту мысль въ 1850 году, по поводу 25-лѣтняго юбилея своего царствованія, въ собственноручномъ письмѣ къ королю Фридриху Вильгельму IV.

„Оставался вѣрнымъ“, писалъ Николай I, „началамъ въ Божѣ почившаго моего брата, Императора Александра, и его вѣрнаго друга, покойнаго короля—Вашего отца,—я старался лично слѣдовать ихъ принципамъ, оставшимся навсегда свѣтлыми въ моей памяти. Поэтому имъ принадлежитъ дань признательности со стороны всѣхъ, кто цѣнитъ благодѣянія, испещрившія отъ нихъ для моей родины, потому что я ничего болѣе не дѣлалъ, какъ — *продолжалъ*. Какъ я счастливъ, что этотъ періодъ моей жизни сольется съ новою эрою нашихъ сношеній, которая, кажется, увидитъ воскрешеніе традицій прошлаго, столь дорогихъ моему сердцу“.

Только два раза, въ продолженіи долгаго царствованія Императора Николая I, дружескія отношенія между Россіей и Пруссіей подвергались серьезной опасности: въ 1849—50 годахъ, благодаря покровительству Россіи Австріи и Даніи, и въ 1854 году, благодаря въкоторымъ колебаніямъ Пруссіи во время Крымской войны. Въ первомъ случаѣ Императоръ Николай I не могъ отказаться отъ мысли, что Австрія, защищая старые порядки въ Германіи, стояла на почвѣ законности и имѣла право на союзную помощь Россіи про-

galité et avait droit à l'assistance de la Russie contre la Prusse. Cette profonde conviction de l'Empereur le porta à engager le gouvernement prussien à faire droit aux exigences fondées du Cabinet de Vienne.

Pour ce qui est de la guerre, entreprise par la Prusse contre le Danemark en 1848, la Russie ne pouvait que la considérer comme illégale et l'Empereur Nicolas I exigea de la manière la plus formelle la suspension immédiate des opérations militaires contre la Monarchie danoise. A son avis l'attaque du Danemark par la Prusse n'était que la conséquence directe de l'esprit révolutionnaire, qui avait envahi cette grande Puissance allemande en 1848.

„La Russie“,—écrivait l'Empereur au Roi de Prusse à cette époque,—„sera toujours l'alliée fidèle de sa vieille amie, de la *bonne, vieille et loyale Prusse*, comme vous l'appellez, quand elle renaitra. Si donc jamais l'ancienne bannière *Prussienne* ralliait à elle les vieux Prussiens et non des Allemands sous la bannière des barricades, l'aigle russe se trouvera à ses côtés, car la Russie sait oublier les injures, elle ne rompt pas ses traités et ne renie pas ses traditions. Dieu seul sait, si jamais encore ce bonheur nous est réservé“.

Depuis 1851, la Prusse, comme le constate l'Empereur Nicolas I, rentre sur le terrain de la vérité et de la légalité et redevient „la bonne, vieille et loyale amie de la Russie“. Depuis lors, les anciennes relations d'amitié entre les deux Puissances se rétablissent complètement et leur alliance, ainsi que leur amitié se consolident surtout pendant la guerre de Crimée.

тивъ Пруссіи. Это глубокое убѣжденіе Государя заставило его побудить прусское правительство исполнить справедливыя требованія Вѣнскаго кабинета.

Войну же Пруссіи противъ Даніи въ 1848 году Россія должна была признать совершенно незаконною, и Императоръ Николай I самымъ формальнымъ образомъ потребовалъ немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій противъ Датской монархіи. Онъ усматривалъ въ нападеніи Пруссіи на Данію прямое послѣдствіе революціоннаго духа, охватившаго эту великую германскую державу въ 1848 году.

„Россія“, писалъ въ это время Государь королю прусскому, „всегда будетъ вѣрною союзницею своего стараго друга—*доброй, старой и лояльной* Пруссіи, — когда она воскреснетъ. Если когда нибудь подъ старое *прусское* знамя опять станутъ старыя Пруссаки, но не Нѣмцы подъ знаменемъ баррикады, русскій орелъ будетъ возлѣ него, потому что Россія умѣетъ забывать оскорбленія, она не нарушаетъ своихъ трактатовъ и не отрывается отъ своихъ традицій. Вѣдаетъ Богъ, удастся ли намъ еще когда нибудь увидѣть это счастье!“

Съ 1851 года Пруссія, по мнѣнію Императора Николая I, возвратилась на путь правды и законности и опять стала, мало по малу, „*добрымъ, старымъ и лояльнымъ другомъ* Россіи“. Съ этого времени старыя дружескія отношенія между обѣими державами вполне возстановились. Наиболюе окрѣпи этотъ союзъ и дружба въ продолженіи Крымской войны.

Malgré la faiblesse de caractère de Frédéric - Guillaume IV et sans égard pour les menaces sérieuses de l'Angleterre, de la France et de l'Autriche, la Prusse garda consciencieusement la neutralité pendant toute la durée de cette guerre. Ni l'opinion publique de l'Allemagne „libérale“, ni le souvenir récent de l'entente d'Olmütz, que toute l'Allemagne se plaisait à considérer comme la plus grande humiliation pour la Prusse, ne purent forcer le gouvernement prussien à sortir de sa neutralité et à suivre l'exemple de l'Autriche. Les hésitations de la politique prussienne, au commencement de la guerre de Crimée, cédèrent la place, en 1855, à la ferme résolution du Cabinet de Berlin de garder la neutralité.

C'est ainsi que ne se réalisa point la prédiction de l'empereur Napoléon III: „Nous allons à Constantinople avec l'Allemagne!“

Il est hors de doute que si la pression des Puissances belligérantes sur la Prusse eut un résultat aussi négatif, il faut en rechercher la cause non-seulement dans les sentiments d'amitié personnelle du Roi pour l'Empereur Nicolas I et dans la force des relations traditionnelles de la Russie et de la Prusse, mais aussi dans le fait que les intérêts russes furent énergiquement défendus à la Diète de Francfort par un jeune diplomate prussien, — le baron Bismarck-Schönhausen. Grâce à lui, tous les efforts de l'Autriche en vue d'entraîner la Confédération germanique dans une guerre contre la Russie n'aboutirent à aucun résultat.

L'Empereur Nicolas chargea M. de Glinka, son représentant à la Diète de

Не смотря на слабость характера Фридриха-Вильгельма IV и не взирая на серьезнѣйшія угрозы со стороны Англии, Франціи и Австріи, Пруссія добросовѣстнымъ образомъ сохранила нейтралитетъ въ продолженіи этой войны. Ни общественное мнѣніе „либеральной“ Германіи, ни свѣжія воспоминанія объ Ольмюцкомъ соглашеніи, признанномъ въ Германіи величайшимъ униженіемъ Пруссіи, не могли заставить прусское правительство выйти изъ своего нейтралитета и послѣдовать примѣру Австріи. Колебанія прусской политики, въ началѣ Крымской войны, уступили съ 1855 года мѣсто твердому рѣшенію Берлинскаго кабинета сохранить нейтралитетъ.

Такимъ образомъ не осуществилось въ 1854 году пророчество императора Наполеона III: „Nous allons à Constantinople avec l'Allemagne!“

Нѣтъ сомнѣнія, что такому неудачному исходу давления со стороны воюющихъ державъ на Пруссію содѣйствовали не только чувства личной дружбы короля къ Императору Николаю I и сила традиціонныхъ отношеній Россіи и Пруссіи, но также энергическая защита русскихъ интересовъ въ Франкфуртскомъ сеймѣ со стороны молодого прусскаго дипломата—барона Бисмарка-Шенгаузена. Благодаря ему, всѣ старанія Австріи втянуть Германскій Союзъ въ войну противъ Россіи оказались совершенно тщетными.

Императоръ Николай поручилъ представителю своему при сеймѣ, Д. Г.

Francfort, d'exprimer au baron de Bismarck sa reconnaissance impériale. „Je suis heureux“,—dit alors le diplomate prussien à son collègue de Russie,— „que tout en remplissant mes devoirs à l'égard de mon Souverain je puisse, en même temps, servir la cause du vôtre et que Sa Majesté m'en sache gré“. Et quand M. de Glinka lui fit observer que les intérêts de la Russie et de la Prusse étaient identiques et qu'il espérait que le jour viendrait où la France se joindrait à ces deux Puissances et concluerait une alliance avec elles, „Bismarck releva cette phrase avec la plus grande vivacité“,— comme l'écrivait M. de Glinka à la date du 28 septembre 1854 au Chancelier de l'Empire en ajoutant: „l'alliance entre la Russie, la Prusse et la France, voila l'idéal politique que je rêve depuis longtemps et la seule combinaison qui puisse satisfaire aux nécessités politiques des trois pays“...

Cette fidélité de la Prusse à la vieille amitié de la Russie pendant toute la durée de la guerre de Crimée fut encore constatée par l'Empereur Nicolas I à son lit de mort. Ses dernières paroles furent: „Dites à Fritz de rester toujours le même pour la Russie et de ne pas oublier les paroles de Papa!“

Quand ces paroles furent transmises à Berlin au Roi de Prusse par le télégraphe, Sa Majesté répondit immédiatement: „Nous embrassons le cher Alexandre et lui déclarons: que les paroles que l'Empereur a léguées à Fritz, lui sont sacrées“.

Enfin l'Empereur Alexandre II immédiatement après son avènement au

Глинкѣ, выразить барону Бисмарку мою признательность. „Я счастливъ“, сказалъ тогда прусскій дипломатъ своему русскому коллегѣ, „что, исполняя долгъ свой въ отношеніи моего Государя, я могъ въ то же время служить вашему дѣлу, и что Его Императорскому Величеству благоудно было это признать“. Когда же Глинка замѣтилъ, что интересы Россіи и Пруссіи тождественны, и что онъ надѣется на наступленіе дня, когда Франція присоединится къ этимъ двумъ державамъ и заключить съ ними союзъ, тогда „Бисмаркъ съ величайшимъ жаромъ“, писалъ Глинка Государственному Канцлеру 28-го сентября 1854 г., „ухватился за послѣднюю фразу и сказалъ: „союзъ между Россіею, Пруссіей и Франціей—вотъ мой истинный политическій идеаль, о которомъ я мечтаю уже давно, и вотъ единственная комбинація, которая могла бы удовлетворять всѣмъ политическимъ видамъ трехъ государствъ“...

Эта вѣрность Пруссіи старой дружбѣ съ Россіей, въ продолженіи Крымской войны, засвидѣтельствовалъ еще разъ на смертномъ одрѣ Императоръ Николай I. Послѣднія его слова были: „Dites à Fritz de rester toujours le même pour la Russie et de ne pas oublier les paroles de Papa!“

Когда эти слова были по телеграфу переданы королю прусскому въ Берлинъ, онъ немедленно отвѣтилъ: „Мы обнимаемъ дорогого Александра и объявляемъ ему: слова Императора, завѣщанныя имъ Фрицу, суть святыня“.

Наконецъ, тотъ же самый положительный фактъ, что только одна Прус-

trône; confirma ce même fait irréfutable que la Prusse était de toutes les Puissances occidentales de l'Europe, la seule qui soit restée fidèle à la Russie.

„Pussions-nous rester toujours amis“, — écrivait-il le 7 (19) janvier 1856 à Frédéric-Guillaume IV, — „et appelons la bénédiction céleste sur notre *double alliance*. Soyez persuadé, cher oncle, que je vous serai éternellement reconnaissant pour la position si belle, que vous avez su faire garder à la Prusse pendant toute cette crise et qui nous a été si utile“.

„Que Dieu vous en récompense!“

Il n'y eut qu'une sphère où les intérêts de la Russie et de la Prusse se soient constamment trouvés en collision et aient provoqué des malentendus chroniques. Ce fut le domaine de leurs relations commerciales. Les intérêts commerciaux et industriels des deux pays paraissaient à un tel point irréconciliables, que les liens de parenté les plus proches et l'amitié politique la plus sincère ne furent pas en état de vaincre les deux gouvernements de la nécessité d'en arriver à une entente quelconque. Voilà pourquoi toutes les négociations diplomatiques ayant trait à une question politique quelconque amenaient constamment une entente complète, tandis que les pourparlers concernant les rapports commerciaux n'aboutissaient presque toujours qu'à un échec. Le sentiment d'irritation, provoqué de cette manière, se faisait ressentir souvent dans les pourparlers sur les questions politiques.

сия изъ всѣхъ великихъ западно-европейскихъ державъ оставалась вѣрна дружбѣ съ Россіей, подтвердилъ также немедленно по воцареніи Императоръ Александръ II.

„Да останемся мы“, писалъ онъ 7-го (19-го) января 1856 года Фридриху Вильгельму IV, „навсегда друзьями и да испросимъ благословеніе Всевышняго на нашъ *двойственный союзъ*. Будьте, дорогой дядя, увѣрены, что я на вѣчныя времена останусь Вамъ признателенъ за столь блестящее положеніе, которое Вы сумѣли сохранить для Пруссіи въ продолженіи всего этого кризиса и которое было намъ столь полезно“.

„Да воздасть Вамъ за это Богъ!“

Только въ одной области интересы Россіи и Пруссіи постоянно сталкивались и приводили къ хроническимъ недоразумѣніямъ. Это — область взаимныхъ торговыхъ оборотовъ. Коммерческіе и промышленные интересы обоихъ государствъ кажутся настолько непримиримыми, что самая тѣсная родственная связь и самая искренняя политическая дружба не въ состояніи были убѣдить оба правительства въ необходимости придти къ какому нибудь соглашенію. Поэтому дипломатическіе переговоры по какому нибудь политическому вопросу всегда приводили къ полному соглашенію; переговоры же по торговымъ сношеніямъ почти постоянно оканчивались неудачно. Вызванное такимъ образомъ раздраженіе часто отзывалось на переговорахъ по политическимъ отношеніямъ.

Toute mesure, prise par le gouvernement Impérial dans le but de défendre les intérêts légitimes du commerce et de l'industrie russes, était considérée à Berlin comme une preuve d'un changement survenu dans les bonnes dispositions de la Russie à l'égard de la Prusse. Et pourtant, l'Empereur Nicolas I reconnaissait de tout point avec le Roi de Prusse „que ce sont les intérêts matériels, qui agissent le plus sur les masses et que selon que ceux-ci sont lésés ou respectés par les deux parties, leur rapprochement devient de plus en plus sensible“. Il reconnaissait en même temps, tout comme le Roi, que „le grand art et l'objet des négociations de ce genre est de concilier ce qui paraît être des extrêmes, sans l'être en effet“.

L'Empereur Nicolas I ne pouvait pas sacrifier les intérêts légitimes du commerce et de l'industrie de son propre peuple; mais tout en protégeant le commerce national, l'Empereur ne perdait pas de vue un seul instant les intérêts supérieurs et les plus chers de son peuple sur le terrain de la politique. Il rappelait sans cesse cette vérité au Roi de Prusse, quand les mesures répressives que ce dernier prenait quelques fois contre le commerce russe amenaient les autres Puissances de l'Europe à douter de la réalité de l'amitié de la Russie et de la Prusse.

Quand en 1840, le gouvernement prussien eut l'intention de prohiber la coté, à la bourse de Berlin, des obligations d'un chemin de fer russe, projeté depuis le Nièmen jusqu'à Libau, l'Empereur Nicolas ne contesta pas au gou-

Всякая мѣра, принятая Императорскимъ правительствомъ для законной защиты интересовъ русской промышленности и торговли, разсматривалась въ Берлинѣ, какъ доказательство измѣнившагося расположенія Россіи къ Пруссіи. Между тѣмъ Императоръ Николай I вполне соглашался съ прусскимъ королемъ, что матерьяльные интересы наиболѣе дѣйствуютъ на народы „и смотря по тому, насколько они нарушаются или уважаются обѣими сторонами, удаляютъ ихъ другъ отъ друга или сближаютъ“. Онъ равнымъ образомъ былъ согласенъ съ королемъ въ томъ, что „великое искусство и задача дипломатическихъ переговоровъ о торговыхъ оборотахъ именно заключается въ примиреніи кажущихся крайностей“.

Однако Императоръ Николай I никакъ не могъ согласиться пожертвовать законными интересами торговли и промышленности своего собственного народа. Но при покровительствѣ отечественной торговлѣ Государь ни на минуту не упускалъ изъ виду высшихъ и болѣе дорогихъ политическихъ интересовъ своего народа. Эту истину онъ неоднократно напоминалъ прусскому королю, когда принятая иногда послѣднимъ репрессивныя противъ русской торговли мѣры заставляли другія европейскія державы усомниться въ дѣйствительной дружбѣ Россіи и Пруссіи.

Когда въ 1840 году прусское правительство имѣло намѣреніе запретить котировку на биржѣ облигацій проектированной русской желѣзной дороги отъ Нѣмца до Либавы, Императоръ Николай I не отрицалъ права прус-